

МАРТЪ.

1911.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія 1-я Спб. Трудовой Артели. — Лиговская, 34.
1911.

Первый паспортъ Антона Павловича Чехова.

«Если ты не навралъ, что можешь достать мнѣ паспортъ, то хлопочи, ибо по университетскому диплому жить не позволяютъ. Нельзя ли что-нибудь по медицинскому департаменту, ибо я—лекаръ».

Такъ писалъ мнѣ покойный братъ мой Антонъ Павловичъ. Въ которомъ году и мѣсяцѣ это было—съ полной точностью трудно сказать, потому что Ант. П. очень рѣдко ставилъ въ своихъ письмахъ даты. Письмо, изъ котораго взята вышеприведенная выписка, помѣчено однимъ только словомъ «четвергъ». Нѣтъ ни мѣста, откуда послано письмо, ни года, ни мѣсяца, ни числа. Во всякомъ случаѣ это происходило между октябремъ 1892 г. и январемъ 1894 г.

Дѣло въ томъ, что покойный писатель, окончивъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, получилъ при выпускѣ дипломъ на званіе лекаря, и этотъ дипломъ былъ единственнымъ документомъ, удостовѣрившимъ его личность. Но этотъ документъ открывалъ только дорогу къ поступленію на службу въ какое-нибудь вѣдомство, паспортомъ же служить не могъ, и въ участкахъ его не прописывали.

Братъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія поступать куда-либо на службу и предпочиталъ оставаться свободнымъ человекомъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ и уже начиналъ пріобрѣтать имя, какъ писатель.

О своемъ паспортномъ горѣ Ант. П. писалъ брату Михаилу и мнѣ. Я пообѣщалъ ему добыть паспортъ и имѣлъ къ тому основаніе. Приведенная выше выдержка изъ письма показываетъ, что Ант. П. согласился на мое предложеніе.

На этой страничкѣ моихъ воспоминаній я хочу рассказать, какъ именно я добывалъ этотъ паспортъ. Здѣсь интересны, конечно, не я и не мои хлопоты, а тѣ высокопоставленные лица, которыя принимали участіе въ созиданіи для А. П. «вида на жительство».

Первымъ изъ этихъ лицъ былъ покойный статсъ-секретарь Константинъ Карловичъ Гротъ. Онъ, какъ извѣсто, патронировалъ

слѣбныхъ, сумѣлъ перевести въ Александро-Маринское по лечительство о слѣбныхъ изъ какого-то вѣдомства миллионный капиталъ, построилъ въ Петербургѣ Александро-Маринское училище слѣбныхъ (на Аптекарскомъ островѣ) и вообще держалъ все «слѣбцовское дѣло» всей Россіи въ своихъ рукахъ.

Въ то время, къ которому относится этотъ коротенькій рассказъ, я былъ официальнымъ и фактическимъ редакторомъ издававшегося попечительствомъ журнала «Слѣбнецъ» (выходить, кажется, и теперь) и потому часто встрѣчался и былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ К. К. Гротомъ. Къ нему то я и обратился.

К. К. Гротъ пользовался огромнымъ вліяніемъ. Для того, чтобы иллюстрировать дальнѣйшее изложеніе, приведу слѣдующій примѣръ. Извѣстно, какъ въ то время было строго главное управленіе по дѣламъ печати. Редакторы повременныхъ изданій утверждались не иначе, какъ послѣ цѣлаго ряда формальностей, наведенія негласныхъ справокъ о благонадежности и т. п. Алчущимъ редакторства приходилось по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и мѣсяцамъ обивать пороги Главнаго управленія, напоминать о себѣ и наводить справки о ходѣ своего дѣла. Я это зналъ. Когда я согласился на предложенное мнѣ К. К. Гротомъ редактированіе «Слѣбница», то былъ увѣренъ, что утверждать меня не скоро. Каково же было мое удивленіе, когда не далѣе, какъ на третій день послѣ нашего разговора, ко мнѣ на квартиру былъ доставленъ пакетъ, въ которомъ значилось, что я уже утвержденъ. На квартиру! Это что-нибудь да значило!

Въ виду этого, получивъ письмо отъ брата, я отправился къ К. К. Гроту съ нѣкоторой увѣренностью. Какъ теперь помню нашъ разговоръ въ его гостиной, въ домѣ на В. Конюшенной. Гостиная, какъ и вся остальная квартира, была обставлена богато. Все въ ней, начиная отъ стула и кончая какимъ-нибудь бюстомъ, стоило очень дорого, всюду была безукоризненнѣйшая, доведенная до педантизма чистота, но все говорило, что среди этой богатой обстановки живетъ человѣкъ одинокій и что въ домѣ нѣтъ женщины... Отъ всего вѣяло высокопоставленностью и какой то грустью.

Выслушавъ исторію съ паспортомъ, К. К. Гротъ отвѣтилъ мнѣ своимъ безстрастнымъ, ровнымъ, старческимъ голосомъ.

— Хорошо. Я постараюсь это сдѣлать. И васъ увѣдомлю.

Это было сказано такимъ тономъ, что я возвратился домой почти съ полной увѣренностью въ томъ, что у брата паспортъ будетъ. И дѣйствительно, на другой или на третій день я получаю телеграмму: «Завтра въ три часа побѣжайте къ Рагозину. Гротъ».

Левъ Федоровичъ Рагозинъ былъ директоромъ Медицинскаго департамента. Это была милѣйшая, даровитая, развитая и добрейшая личность. Тѣ, кому приходилось служить вмѣстѣ съ нимъ или подъ его начальствомъ, относились и относятся до сихъ поръ съ теплымъ чувствомъ къ его памяти. (Опъ умеръ 30 марта 1908 г.).

Впоследствии одно лѣто мнѣ пришлось быть его ближайшимъ со-
сѣдомъ по дачѣ и я лично убѣдился въ справедливости этихъ
отзывовъ. До исторіи съ паспортомъ я зналъ его только по имени
да по адресъ-календарю.

Само собой разумѣется, что въ назначенный часъ я былъ уже
въ департаментѣ. Лишь только я назвалъ свою фамилію—не помню
кому: курьеру или дежурному чиновнику,—какъ обо мнѣ было не
только немедленно, но даже, какъ мнѣ показалось, и торопливо
доложено.

«Вотъ онъ, Гротъ!»—промелькнуло у меня въ головѣ.

— Пожалуйте-съ. Директоръ проситъ!

Передо мною въ одинъ мигъ распахнулись настежь двери ди-
ректорскаго кабинета—двери, передъ которыми многимъ и многимъ
приходилось вѣроятно простаивать не безъ трепета по получасамъ,
а иногда и по часамъ и перешагивать черезъ порогъ еще съ
большимъ трепетомъ.

Л. Ф. Рагозинъ—высокій, статный мужчина съ очень симпа-
тичнымъ и вовсе не чиновничьимъ лицомъ встрѣтилъ меня очень
радушно и, вѣроятно, вслѣдствіе привычки имѣть дѣло постоянно
съ врачами, онъ протянулъ мнѣ руку со словами.

—Очень радъ познакомиться съ вами, коллега.

Я послѣднимъ отвѣтилъ, что я—не врачъ, но что я явился во
врачебный департаментъ хлопотать о своемъ братѣ—врачѣ. На
лицѣ Л. Ф. ясно выразилось недоумѣніе. Я понялъ, что К. К.
Гротъ, прося его принять и выслушать меня и сдѣлать то, о чемъ
я буду просить, не сообщилъ ему, въ чемъ именно будетъ состоять
моя просьба (впоследствии это оправдалось). Поэтому приходилось
начинать сказку сначала. Въ глазахъ директора департамента
былъ ясно написанъ молчаливый вопросъ:

— Кто же ты и чего тебѣ нужно, если ты не пришелъ про-
сить какого-нибудь мѣста по медицинской епархіи?

Приходилось поневолѣ знакомить прежде всего со своею особой.
Я сообщилъ ему, что представляю собою редактора журнала «Слѣ-
пецъ» и явился...

— А! Такъ вотъ почему вы такъ дороги сердцу Константина
Карловича!—перебилъ онъ меня.—Вотъ почему онъ принимаетъ
въ васъ такое участіе! Давайте, сядемъ и потолкуемъ. Въ чемъ дѣло?

Л. Ф. сѣлъ за свой письменный столъ, а мнѣ указалъ на
кресло, сбоку стола. Я началъ съ того, что братъ мой—начинающій
писать «А. Чехонте»...

— А. Чехонте!?—снова перебилъ меня Л. Ф.—Читалъ, чи-
талъ... Прелестныя вещицы!.. Такъ это онъ? Вашъ братъ?

— Да.

— Прелестныя вещицы! Какъ онъ чудесно схватываетъ съ
натуры! Какіе типы! И все живые люди!.. Онъ врачъ и практи-
куетъ?

— Нѣтъ. Кажется онъ занимается одною только литературой. По крайней мѣрѣ, въ Москвѣ, гдѣ онъ живетъ, у него на дверяхъ вывѣски нѣтъ.

— И прекрасно дѣлаетъ, что не практикуетъ. Среднихъ и плохихъ врачей у насъ много, а даровитыхъ писателей очень и очень мало. Разъ-два — и обчелся. Пусть лучше пишетъ. Ну-съ?

Я рассказалъ уже извѣстную исторію о дипломѣ, который необходимо замѣнить «видомъ на жительство», признаваемымъ полиціей.

Л. Ф. подумалъ немножко и сказалъ:

— Для такого писателя, какъ А. Чехонте, необходимо сдѣлать все, что только возможно. Мы даже обязаны сдѣлать все, чтобы облегчить ему жизнь и избавить его отъ волненій, вызываемыхъ какимъ-нибудь глупымъ паспортомъ... Кто знаетъ, можетъ быть, изъ него выйдетъ большой писатель, который дастъ намъ что-нибудь крупное... Вотъ что: хотите вы на недѣлю превратиться въ вашего брата? Всего только на одну какую-нибудь недѣлю или дней на шесть?

— Я васъ не понимаю, Л. Ф.,—отвѣтилъ я, широко раскрывъ глаза.

Директоръ департамента добродушно улыбнулся.

— Я вамъ сейчасъ объясню,—сказалъ онъ.—Все можно обдѣлать, нисколько не тревожа вашего брата и безъ него. Онъ, говорите вы, живетъ въ Москвѣ—такъ не тащить же его изъ-за какой-нибудь невинной комедіи сюда, въ Питеръ. Дѣло вотъ въ чемъ. Пусть вашъ братъ подастъ прошеніе въ Медицинскій департаментъ о томъ, чтобы его опредѣлили на какую-нибудь должность...

— Но онъ не желаетъ служить. Онъ хочетъ быть свободнымъ человѣкомъ.

— Погодите. Пусть онъ, какъ я уже сказалъ, подаетъ прошеніе. Согласно этому прошенію мы сдѣлаемъ журнальное постановленіе, въ силу котораго онъ дѣлается чиновникомъ департамента и служить три или четыре дня. За эти дни служба надобдается ему хуже горькой рѣдки, и онъ подаетъ новое прошеніе—объ отставкѣ. Мы тотчасъ же выдаемъ ему аттестатъ—и вотъ вамъ паспортъ, самый настоящій паспортъ, который будетъ признавать и прописывать полиція не только во всей Россіи, но даже и на Новой Гвинее, если только она тамъ есть.

— Превосходно—воскликнулъ я.—И быстро, и на законномъ основаніи!

— Да. И быстро, и на законномъ основаніи, и комаръ носа не подточитъ. Но для этого необходимо, чтобы вы на эту недѣлю сдѣлались самозванцемъ и превратились бы изъ Александра Чехова въ Антона Чехова—не для всего міра, а только для нашего департамента. Согласны? Ну, такъ садитесь и сейчасъ же пишите прошеніе отъ имени вашего брата.

— Но вѣдь это будетъ подлогъ, Л. Ф.,—возразилъ я.

— Я увѣренъ, что вы не пойдете къ прокурору доносить, что я васъ учу дѣлать подлоги,—засмѣялся директоръ департамента, а самъ на себя я не донесу тѣмъ болѣе, что черезъ три дня вы едѣваете второй такой же подлогъ съ прошеніемъ объ отставкѣ... Насъ съ вами и упекутъ въ Сибирь...

Л. Ф. позвонилъ. Вошелъ длинный, сухошавый чиновникъ.

— Вотъ г. Чеховъ, Антонъ Павловичъ, желаетъ поступить къ намъ въ департаментъ младшимъ сверхштатнымъ чиновникомъ,—обратился къ нему Л. Ф. Рагозинъ,—будьте добры, продиктуйте форму прошенія.

— Пожалуйте-съ,—пригласилъ меня длинный чиновникъ, направляясь къ двери.

— Прошеніе подадите мнѣ лично,—сказалъ директоръ вдогонку.

Длинный чиновникъ привелъ меня въ большую комнату, въ которой за тремя или четырьмя столами шла обычная канцелярская работа. У одного изъ оконъ стояли чиновникъ и типичный, сѣрый труженикъ—земскій врачъ. Врачъ что-то горячо и возбужденно доказывалъ чиновнику. До меня долетали отрывочныя фразы: «скарлатина»... «дѣти мрутъ, какъ мухи»... «эпидемическій характеръ»... «рукъ нѣтъ совсѣмъ»...

Длинный чиновникъ предложилъ мнѣ сѣсть за одинъ изъ столовъ—очередно, за его столъ—и сталъ громко диктовать прошеніе.

— Ну-съ, теперь подписывайте ваше званіе и имя: «лекаръ Антонъ Чеховъ»,—закончилъ онъ.

Я исполнилъ это.

— Теперь благоводите подать директору.

Но лишь только я поднялся съ мѣста и съ листомъ бумаги въ рукѣ направился къ двери, какъ слѣва послышалось умышленно громкое:

— Гм!..

Я оглянулся и едва не растерялся. За однимъ изъ столовъ сидѣлъ и глядѣлъ на меня улыбающимися глазами знакомый мнѣ чиновникъ г. Р. (имени не называю, потому что онъ и нынѣ здравствуетъ), съ которымъ мнѣ часто приходилось встрѣчаться въ театрахъ, на Невскомъ и въ ресторанахъ и который прекрасно зналъ, какой я Антонъ. Онъ ласково смотрѣлъ на меня и мнѣ казалось, будто бы въ глазахъ его было написано:

— Э, братъ, да ты подлогами занимаешься! Я вѣдь знаю на-вѣрное, что ты—Александръ...

Я подошелъ къ нему. Раскланялись, какъ добрые знакомые, и немножко поболтали о пустякахъ.

— Прошеніе подаете?—спросилъ онъ подъ конецъ бесѣды.

— Да. Отъ имени брата... по довѣренности,—солгалъ я.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только засмѣялся какъ-то беззвучно,

въ носъ. Черезъ минуту я былъ уже въ кабинетъ директора и подалъ ему прошеніе.

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ Л. Ф., пробѣжавъ написанное.— Теперь мы пустимъ эту бумажку въ ходъ.

— Долженъ предупредить васъ, Левъ Федоровичъ,—началъ я,— что нашъ заговоръ открытъ и мое самозванство разоблачено. Въ канцеляріи я встрѣтился съ г. Р., съ которымъ я хорошо знакомъ и который отлично знаетъ, что я—не Антонъ.

— Пустое. Приходите черезъ три или четыре дня подавать прошеніе объ отставкѣ.

Мы пожали другъ другу руки, и я ушелъ. Въ тотъ же день я увѣдомилъ брата объ успѣшности начатыхъ хлопотъ.

Дня черезъ два мнѣ понадобилось по дѣламъ «Слѣнца» побывать у К. К. Грота. Окончивъ дѣловой разговоръ, К. К. какъ бы вскользь и мимоходомъ бросилъ:

— Вашъ братъ уже зачисленъ на службу... Меня Рагозинъ увѣдомилъ...

Само собою разумѣется, что я возликовалъ и тотчасъ же написалъ брату.

Еще черезъ два дня я снова былъ въ Медицинскомъ департаментѣ, и тотъ же длинный, сухощавый чиновникъ, за гѣмъ же столомъ диктовалъ мнѣ прошеніе объ отставкѣ, — и я совершилъ второй подлогъ, подписавшись именемъ брата. Л. Ф. Рагозина я въ этотъ разъ не видѣлъ. Онъ былъ въ какомъ-то важномъ заведеніи. Прошеніе принялъ отъ меня тотъ же длинный чиновникъ.

— Пожалуйте завтра въ это же время,—сухо сказалъ онъ.

Опять послышалось слѣва многозначительное.

— Гм!..

Р. смотрѣлъ на меня смѣющимися глазами. Пришлось подойти къ его столу.

— Отслужили? Подаете въ отставку?

— Да.

— Не долго же вы украшали нашъ департаментъ своимъ присутствіемъ... подъ чужимъ именемъ. Сегодня въ театрѣ будете?

Онъ опять засмѣялся беззвучно въ носъ, и я почувствовалъ, что проглотилъ пилюлю.

На слѣдующій день меня провели прямо въ кабинетъ директора.

— Ну, вотъ и сдѣлано,—весело и почти дружески встрѣтилъ меня Л. Ф.—Вашему брату теперь не о чемъ больше беспокоиться... Я вотъ сейчасъ по дорогѣ въ департаментъ прочелъ новенькій рассказъ А. Чехонте. Что за прелесть! Пусть пишетъ милый человѣкъ, а медицину пусть броситъ. Богъ съ ней. Отъ моего имени скажите ему: пусть пишетъ, а не лечитъ. Лечить и безъ него есть кому, а писать безъ него некому. Если ему нравится медицина, пусть занимается ею мимоходомъ, для своего удовольствія, но

пусть не дѣлаетъ изъ нея профессіи. Его сила не въ скальпель, а въ перѣ.

Л. Ф. позвонилъ. Вошелъ чиновникъ.

— Принесите сюда,—коротко распорядился Л. Ф.

Чиновникъ поклонился и вышелъ.

— Его сила въ перѣ, и я увѣренъ, сердце мнѣ подсказываетъ, что изъ него современемъ выйдетъ величина—и я очень радъ, что могъ быть хоть немножко для него полезенъ.

Вошелъ чиновникъ и почтительно положилъ на столъ передъ директоромъ раскрытую книгу, на одной страницѣ которой лежалъ свѣженъкій, чистенькій и каллиграфически написанный аттестатъ съ печатью.

— Распишитесь въ полученіи,—сказалъ Л. Ф., подавая мнѣ перо и указывая пальцемъ на клѣтку въ книгѣ.

— Это будетъ уже третій подлогъ,—улыбнулся я, подписываясь именемъ брата.

— И, какъ видите, въ Сибирь насъ съ вами не сослали,—улыбнулся въ свою очередь Л. Ф.—Ну-съ, извольте-съ.

Директоръ взялъ аттестатъ, собственноручно свернулъ его вчетверо и подалъ мнѣ. Чиновникъ взялъ книгу и мигомъ улетучился.

— Теперь вы можете быть опять самимъ собою,—пошутилъ Л. Ф. Я принялся горячо благодарить его.

— Очень радъ, очень радъ, что могъ хоть что-нибудь сдѣлать,—отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ эго не я сдѣлалъ, а Константинъ Карловичъ Гротъ... Такъ и напишите, что его сила не въ медицину, а въ перѣ. Отъ моего имени напишите,—добавилъ онъ, провожая меня чуть не до двери.

Нечего и говорить, что, выйдя изъ департамента, я не шелъ, а летѣлъ для того, чтобы поскорѣе отослать брату заказнымъ письмомъ драгоценный документъ, и мое радостное волненіе улеглось только тогда, когда я ощутилъ у себя въ пальцахъ почтовую росписку.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ случайно и совсѣмъ неожиданно пришлось встрѣтиться съ К. К. Гротомъ. Я сталъ благодарить его.

— И слава Богу, что такъ вышло,—отвѣтилъ онъ своимъ старческимъ, монотоннымъ голосомъ.—Только я тутъ не при чемъ и меня благодарить не за что. Это все—Рагозинъ.

Черезъ два или три дня я получилъ отъ брата коротенькое и, по обыкновенію, юмористическое письмо:

«Мегсі. Теперь я—не лекарь, а гражданинъ, и полиція меня уважаетъ и боится. А за подлоги я тебя сошлю на Сахалинъ. Отставной младшій сверхштатный чиновникъ А. Ч.».

Такова исторія перваго паспорта Ан. П. Чехова.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. К. К. Гротъ умеръ; умеръ

и братъ; смерть его, какъ извѣстно, произвела глубокое впечатлѣніе на всю Россію. Пошли новыя вѣянія.

Какъ-то разъ я шелъ по одной изъ боковыхъ улицъ, впадающихъ въ Невскій проспектъ. Меня кто-то обликнулъ съ противоположнаго тротуара. Это былъ Л. Ф. Рагозинъ—единственный оставшійся въ живыхъ участникъ только что описанной паспортной эпопеи. Я поспѣшилъ перебѣжать черезъ дорогу, и мы пожали другъ другу руку, какъ добрые знакомые. Онъ сильно постарѣлъ и былъ чѣмъ-то недоволенъ. Недовольство оказалось административнымъ: объявленія о разныхъ медицинскихъ, патентованныхъ и секретныхъ средствахъ разрѣшено было печатать съ меньшими стѣсненіями, чѣмъ прежде.

— Теперь мы махнули на все рукой,—сказалъ онъ.—Laissez faire, laissez passer.

Загнѣвъ разговоръ незамѣтно перешелъ на другую тему. Вспомнили о покойномъ братѣ.

— Вотъ ужъ и нѣтъ Антона Павловича,—съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ.—Помните, я говорилъ вамъ тогда, когда вы хлопотали о паспортѣ, что изъ него выйдетъ величина? Къ моему удовольствію, я оказался пророкомъ.

— Кстати, Левъ Федоровичъ, отвѣтилъ я,—я собираюсь какъ-нибудь въ свободную минуту написать эту эпопею съ паспортомъ такъ, какъ она была въ дѣйствительности. Вы въ ней были главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Позвольте писать на чистоту и упомянуть ваше имя?

— Сдѣлайте одолженіе. Сколько угодно. Маленькая неприятность, которую я отъ этого получу, вполнѣ уравнивается значеніемъ той маленькой услуги, которую я когда-то оказалъ вашему брату. Пишите. Я прочту съ удовольствіемъ.

Но прочесть ему не удалось. Я все собирался написать, а неумолимое время дѣлало свое. Въ скоромъ времени послѣ этого разговора въ траурной каемкѣ на первой страницѣ «Новаго Времени» появилось имя Л. Ф. Рагозина.

Я не знаю, сохранился ли въ семейномъ архивѣ этотъ паспортъ, обмѣнивавшійся нѣсколько разъ на заграничный, но онъ былъ подписанъ Л. Ф. Рагозинымъ.

Александръ Чеховъ.

Комментарий

Грот Карл Константинович (1815–1897) – государственный и общественный деятель, самарский губернатор в 1853–1861 гг., основатель и создатель системы попечения над слепыми в России.

Рагозин Лев Федорович (1846 –1908) – врач-психиатр, доктор медицины, директор Медицинского департамента Министерства внутренних дел Российской империи.

Laissez faire, laissez passer (фр. «Пусть это будет и пусть это пройдет»), принцип невмешательства, экономическая доктрина, согласно которой государственное регулирование экономики и экономическое вмешательство должны быть минимальными.